

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РИМСКОГО МИРА THE CIVIC IDENTITY OF THE ROMAN WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-308-327

Научная статья / Research article

«Любовь к отечеству» и гражданская идентичность в дискурсе латинских и греческих надписей

А.В. Махлаюк

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603950, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
 makhl@imomi.unn.ru

Аннотация. На материале греческой и латинской эпиграфики рассматриваются основные особенности гражданской идеологии, которые связаны с понятием «любовь к отечеству» (*philopatria*, *amor patriae* и их производные). Соответствующие категории, зачастую эмоционально окрашенные, широко использовались для характеристики добродетелей и мотивов поведения городских элит, выступавших в качестве эвергетов. Лексический и контекстуальный анализ надписей показывает, что гражданский патриотизм греческих городов вполне уживался с политической лояльностью римской власти и персонально правящим императорам. И в греческих, и в латинских надписях явно или подспудно присутствует имперский контекст. В первых он особо подчеркивается титульными наименованиями, указывающими на «любовь» к императорам и Риму (*φιλόκαισαρ*, *φιλοσεβαστος*, *φιλωρῳμαιος*). В западных же провинциях и Италии в таких прямых указаниях, очевидно, не было особой нужды. Есть все основания полагать, что там, в городских общинах, состоявшихся из римских граждан, сохранялось чувство причастности двум родинам, как их определил Цицерон: Риму как *communis patria / patria civitatis (iuris)* и отечеству по природе и местности (*patria naturae / loci patriae*). В прочих же аспектах сравнение дискурса греческих и латинских надписей обнаруживает прямые параллели и совпадения в базовых ценностных установках, обусловленных сохраняющимся гражданско-общинным (полисным) характером городов Римской империи.

© Махлаюк А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: гражданская идентичность, патриотизм, гражданство, эвергетизм, *philopatria*, *amor patriae*, греческая и латинская эпиграфика

История статьи: Поступила в редакцию: 03.03.2022 Принята к публикации: 30.03.2022

Для цитирования: Махлаюк А.В. «Любовь к отечеству» и гражданская идентичность в дискурсе латинских и греческих надписей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 308–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-308-327>

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-00099 «Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в пост-классическое время: правовые основы, практики, дискурсы».

“Love for the Fatherland” and civil Identity in the discourse of Latin and Greek inscriptions

A. V. Makhlaiuk

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, Russia, 603950
 makhla@imomi.unn.ru

Abstract. Based on Greek and Latin epigraphy, the article examines the main features of civil ideology associated with the concept of “love of the fatherland” (*philopatria*, *amor patriae* and their derivatives). The corresponding categories, often emotionally colored, were widely used to characterize the virtues and behavioral motives of urban elites who acted as *evergetai*. The lexical and contextual analysis of the inscriptions shows that the civic patriotism of the Greek cities coexisted quite well with the political loyalty to the Roman authorities and ruling emperors. In both Greek and Latin inscriptions, there is an explicit or implicit imperial context. In the former, it is especially emphasized by title names indicating “love” for emperors and Rome (φιλόκαισαρ, φιλοσέβαστος, φιλωρώματος). In the western provinces and Italy, there was obviously no particular need for such direct references. It is reasonable to believe that there, in urban communities consisting of Roman citizens, a sense of belonging to two homelands, as Cicero defined them, remained: Rome as *communis patria* / *patria civitatis* (*iuris*) and the fatherland by nature and locality (*patria naturae* / *loci patria*). In other aspects, however, a comparison of the discourses of Greek and Latin inscriptions reveals direct parallels and coincidences in the basic value orientations, due to the remaining civil-communal (*polis*) character of the cities of the Roman Empire.

Keywords: civic identity, patriotism, citizenship, evergetism, *philopatria*, *amor patriae*, Greek and Latin epigraphy

Article history: Received: 03.03.2022. Accepted: 30.03.2022.

For citation: Makhlaiuk AV. “Love for the Fatherland” and civil Identity in the discourse of Latin and Greek inscriptions *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):308–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-308-327>

Acknowledgements: The scientific research was carried out with the support of the RFBR grant (20-09-00099) «The institution of citizenship in the Federal and Imperial states of antiquity in post-classical times: legal foundations, practices, discourses».

Введение

Одной из характерных тенденций в изучении института гражданства в греко-римском мире первых веков н.э. все больше становится перенос акцента с его формально-юридических аспектов на те конкретные практики (включая ритуалы), идеологию и традиции, на которых строилась жизнь городских гражданских общин (*civitates* и *poleis*), политическая культура и идентичность их граждан в контексте мировой державы¹. Как показывают современные исследования, эта гражданская жизнь и гражданская идентичность были неразрывно связаны с вполне определенными ценностями и добродетелями, прежде всего с чувством причастности к общинному коллективу и привязанности к месту рождения², и проявлялись прежде всего на локальном уровне и, соответственно, имели свою специфику в разных частях римского мира³, но при этом определенным образом коррелировали с надполисными имперскими структурами и реалиями (такими, как римское гражданство, императорская власть и т.д.). Именно на локальном уровне в эпоху Принципата, в городах как Запада, так и Востока империи, эти ценностные установки нашли выражение в таком известном феномене, как эвергетизм городской знати⁴, который, достигнув своего расцвета в первые века н.э., получил отражение в многочисленных эпиграфических текстах, представленных прежде всего высеченными на камне почетными декретами и надписями на постаментах статуй, воздвигнутых в честь городских благодетелей. Данные тексты чрезвычайно насыщены соответствующими риторическими клише, титульными наименованиями и разнообразными эпитетами, образующими в своей совокупности то, что О. ван Нейф, по аналогии с понятием *speculum principis*, называет *civic mirrors* — «зеркала гражданина» [10. P. 234; ср.: 11. S. 248–249], т.е. совокупность неких идеальных качеств, каковыми, должны были обладать представители городской элиты, стремившиеся соответствующим образом выглядеть в глазах своих сограждан.

¹ Об этой и других тенденциях см. наш обзор [1], а также [2].

² Об этих ценностях в целом см.: [3]. Автор, однако, говоря о гражданских доблестях, ни словом не упоминает такое качество, как «любовь к отечеству», которая была побудительным мотивом именно гражданского поведения вплоть до готовности пожертвовать собственной жизнью ради родины (ср., например: *Cic. Leg. II.5; Off. I.57; Sen. Ep. 76.27*). Подробнее об таком самопожертвовании как квинтэссенции римского патриотизма см.: [4; 5].

³ Полезными введениями в данную проблематику могут служить недавно опубликованные очерки К. Андо и К. Бреласа, посвященные, соответственно, Западу и Востоку Римской империи [6; 7].

⁴ Этот термин, представляющий собой неологизм, образованный от древнегреческих слов *euergetein* («делать доброе дело») и существительное *euergetes* («благодетель»), был введен в оборот известным французским историком Полем Вейном [8; 9].

Судя по эпиграфическим текстам, одной из ключевых категорий в этой системе ценностей как раз и были те «к отчизне любовь и жажда безмерная славы» — *amor patriae laudumque immensa cupido*, о которых, как о всепобеждающей силе, писал Вергилий (*Aen.* VI.823. Пер. С.А. Ошерова)⁵. Именно эти чувства — так, во всяком случае, хотели представить дело авторы и адресаты почетных декретов — подвигали многих богатых горожан на щедрые благотворительные жесты. В греческом узусе им соответствовали такие понятия, как *philopatria* и *philotimia*.

В данной статье мы остановимся на сравнении римского и греческого вариантов «любви к отечеству», или, говоря современным языком, патриотизма, которые представлены в эпиграфических памятниках и, можно сказать, составляют стержень античной гражданственности. Такое сравнение может обнаружить не только сходства в мировоззрении и практиках, но и различия между латиноязычным Западом и грекоязычным Востоком Римской державы, а также те специфические моменты, что привносились в традиционную гражданскую идеологию и модели поведения имперской ситуацией, в которой существовали городские общины в первые века н.э.⁶ Применительно к западной части империи речь пойдет о «локальном», городском патриотизме, о любви к той малой родине, которую Цицерон в известном пассаже противопоставлял Риму как «общему отечеству» (*communis patriae*): «...у всех членов муниципиев... две родины: одна по рождению, другая по гражданству... одна родина по местности, другая по праву...» (*Cic. Leg.* II.5. Пер. В.О. Горенштейна). Для греческой же части римского мира это был тот «низовой» патриотизм, который фокусировался на полисе, в отличие от «более высокого» патриотизма, который относился к эллинской культурной идентичности в целом [15. Р. 30–32].

Надо сказать, что, несмотря на обилие исследований, посвященных городам и проблемам городского гражданства в Римской империи (особенно ее восточной половине), работы, в которых непосредственно предпринимался бы сравнительный анализ гражданско-патриотического дискурса в греческой и латинской эпиграфике, немногочисленны⁷. Материал, относящийся к западной части Империи, обобщен и проанализирован, во-первых, в статье П. Ле Ру [18], который, однако, лишь бегло остановился на сравнении соответствующей риторики латинских и греческих надписей, а также в монографии Э. Форбис [19], которая рассмотрела интересующую нас категорию *amor*

⁵ Выражение *amor patriae* использовано также в *Aen.* XI.892; ср. *Tac. Ann.* XV.49.3: *amor rei publicae*. Используется также синонимичное сочетание *caritas patriae* (например, *Cic. Fam.* X.10.2; *Phil.* II.60; *Liv.* II.2).

⁶ Отдельные стороны этого процесса уже были рассмотрены нами в ряде работ на материале литературных источников. См.: [12; 13; 14].

⁷ Некоторые работы, к сожалению, остались мне недоступными: [16; 17], но в них сравнение греческого и латинского эпиграфического материала, насколько я могу судить, не ставится как специальная цель.

patriae в ряду других добродетелей муниципальной знати, отраженных в надписях Италии. Можно также указать магистерскую диссертацию Ж. Монтаня, посвященную «патриотическому» дискурсу в надписях североафриканских провинций [20]. Эпиграфические досье, представленные в этих работах, показывают многообразие и вариативность использованных в почетных декретах эпитетов и титулов, связанных с категориями *patria* и *amor* (и их производными и синонимами), которые выражали чувство принадлежности к сообществу и характер идентификации человека с ним.

Что касается греческого материала, то соответствующая проблематика с той или иной степенью подробности затрагивается во многих работах, прежде всего в тех, которые исследуют почести эвергетов в эллинских полисах, обращаясь в том числе к анализу соответствующего «языка почестей» (*honorific language*). В частности, можно назвать монографии Ш. Экхарда [21] и Ф. Канали Де Росси [22], коллективный труд под редакцией А. Эллер и О. Ван Нейфа [23], монографию трех польских авторов [24] и, в особенности, недавнюю работу А. Эллер о почетных титулах благотворителей в малоазиатских городах [25]⁸, а также статьи Х. Велиджанни [26], Н. Гениакопулоса [27], О. Ван Нейфа [10; 28]. Однако, при всей обширности собранного материала и ценности многих проницательных наблюдений, высказанных авторами, эти труды все же не проводят последовательного сопоставления собственно римского и греческого дискурсов, касающихся гражданского патриотизма городских элит императорского времени.

Разумеется, решить такого рода объемную задачу в рамках ограниченного объема одной статьи невозможно. Поэтому мы ограничимся только сравнительно немногими, но достаточно показательными примерами соответствующего словоупотребления в латинских и греческих эпиграфических текстах, чтобы уловить общую специфику и некоторые макрорегиональные особенности гражданско-патриотического дискурса.

Philopatrides

Обращаясь к греческому материалу, нужно отметить, что понятие *πάτρις* («родина, отечество») очень широко распространено в греческих эпиграфических текстах эпохи империи и часто используется с эпитетом «сладчайшая» *γλυκυτότη πάτρις*⁹. Именно с таким эпитетом нередко посвящают отечеству свои благотворительные акты городские эвергеты [21. S. 160]. Это выражение

⁸ Данная работа знакома мне только по рецензии: *Fabrice Delrieux* (<http://www.archaeolinks.com/histara/cr.php?cr=3946&lang=it>).

⁹ Например: *SEG XXXVII*, 1186 (Кремна); *IGR IV*, 790 (Апамея); *TAM II*, 408; 414 (Патара); 681; 682 (Кадиянда); *V.2*, 946; 948 (Тиатира); *MAMA IV*, 124 (Метрополис); *I.Smyrna* 637; *I.Iasos* 618; *I.Magnesia* 180; *I.Ephes.* 435; 522; 525 и др. В латинской эпиграфике такого эпитета не зафиксировано, но используются другие, близкие по смыслу (см. ниже).

явственно отсылает к известному гомеровскому выражению οὐδὲν γλύκιον ἤς πατρίδος — «нет ничего сладостнее отчизны» (Hom. *Od.* IX.34) и очевидным образом свидетельствует об особом эмоциональном отношении к родному городу, ставя привязанность к нему в один ряд с родственными и семейными чувствами [8. P. 342, not. 146; 29. P. 213], поскольку таким же эпитетом, как известно, очень часто в эпитафиях наделяются ближайшие родственники. Однако никогда, насколько я могу судить, такой эпитет не прилагался к полису, что, очевидно, объясняется тесной ассоциацией между родиной и кровным родством, тогда как город (община граждан) воспринималась скорее в качестве социально-политической общности, хотя существовал почетный титул υἱός (или θυγάτηρ¹⁰) τῆς πόλεως (или τοῦ δήμου) — «сын (или дочь) города (народа)», которым награждались особо заслуженные эвергеты и который, по своей сути, призван был создать впечатление квази-родственной связи между ними и общиной¹¹. При этом очень часто в качестве инстанции, наделяющей почестями, выступают *polis* или *patris*, т.е. не только институты (совет и собрание), но весь гражданских коллектив [31. P. 69]; и в этом смысле «отечество» тождественно полису.

Надо сказать, что слово φιλοπατρία, наиболее точно выражающее понятие «любовь к родине», в греческой эпиграфике не встречается — в отличие от латинской, где, как мы увидим далее, *amor patriae* и синонимичные выражения представлены очень широко. Однако в греческих надписях очень часто (более 600 раз [28. P. 360]) используется и как почетный титул, и как характеристика личных качеств слово φιλόπατρις («любящий отечество»), которое прилагается как к мужчинам, так и женщинам¹², прежде всего в связи с теми или иными их отличиями на благо родного города (исполнение должностей и литургий, постройки, устройство игр, празднеств и раздач, участие в посольствах и т. д.). Иногда вместо φιλόπατρις используется близкие по смыслу наименования φιλόδημος — «друг народа/любящий народ» (например: *SEG* 45, 1262), или φιλόπολις — «любящий полис» (например: *Aphrodisias* 32; 33; 99; 100; 306; 310; *I.Ephes.* 116; *IMT Olympene* 2698; *IK Prusa ad Olympon* 17; *IK Prusas ad Hypium* 50), или «любящий сограждан» — φιλοπολείτης (*MAMA* VIII, 484).

Как и другие почетные титулы, которыми награждались эвергеты, наименование φιλόπατρις могло быть присвоено по инициативе народного собрания, выражавшего свою волю с помощью аккламаций [32. P. 215], иногда в виде спонтанных выкриков, подобно тем, что упоминаются у Лукиана (*Lucian. Per.* 15; здесь Протей непосредственно провозглашается выкриками на собрании «единственным человеком, любящим свою родину» — ἕνα

¹⁰ В латинских текстах зафиксирован аналогичный почетный титул *alumna patriae* — «воспитанница родины». См.: [30. P. 833–834, not. 10].

¹¹ Об этих почетных наименованиях см.: [22; 27].

¹² О почетном эпитете *philopatris* в декретах в честь женщин-благотворительниц см.: [24. P. 132–133; 25. P. 230–231].

φιλόπατρι) и в романе Харитона (*Chaireas et Kallirhoe*. 1.1.11–12) [33; 34], или же более формализованных, как в одном египетском папирусе III–IV вв. н.э., в котором запротоколированы выкрикиваемые собравшимся народом аккламации в честь местного магистрата: помимо прочего, он именуется φιλοπολίτης — «любящий сограждан» (*P.Oxy.* I.41; см. об этом документе: [35]). Так или иначе, подобная практика свидетельствует о сохранении определенных демократических традиций в городских общинах и об известной зависимости местных нотаблей от мнения рядовых сограждан [7. P. 71].

При этом и самим эвергетам важно было подчеркнуть собственные добродетели, включая любовь к отечеству. Показательна в этом смысле известная надпись Гая Юлия Демосфена, служившего при Траяне прокуратором на Сицилии (*SEG XXVIII*, 1462). В ней он предстает ревностным патриотом своего родного города Эноанды в Ликийи¹³. В пространном (117 строк) хорошо сохранившемся тексте сообщается об учреждении Демосфеном нового праздника — мусического агона «Демосфении» — на средства эвергета и с благословения императора Адриана, чье письмо жителям Эноанды с речительством за Демосфена приведено в начале надписи, в которой далее подробно описываются правила проведения и антураж игр, призовые ставки и т.п. Сам же инициатор нововведения подчеркивает (в первом лице), что «с ранней юности любил свое прекраснейшее отечество»: [ἀπὸ] πρώτης ἡλικίας τὴν γλυκυθητάτην μου πατρίδα πεφιληκῶς (v. 8); а в самом тексте декрета он превозносится как «превосходнейший наш гражданин... муж исключительного величия духа, выдающийся своей доброй славой, и родом, и нравом не только в отечестве, но и в провинции» (ὁ κράτιστος πολεΐτης ἡμῶν ἀνὴρ μεγαλοφονέστατος πρωτεύων τῇ τε ἀξία καὶ τῷ γένει καὶ τῷ ἦθει οὐ μόνον τῆς πα[τρίδος] ἀλλὰ καὶ τοῦ ἔθνους) (v. 49–50) и удостоивается почестей «за неизменную любовь к отечеству и нынешнюю щедрость, непревзойденное великодушие и преданность государям» (ἐπὶ τε τῇ διηνεκεῖ πρὸς τὴν πατρίδα εὐνοίᾳ καὶ τῇ νῦν φιλοτειμίᾳ καὶ ἀνυπερβλήτῳ μεγαλοψυχίᾳ καὶ πρὸς τοὺς Σεβαστοῦ[ς] εὐσεβεΐᾳ) (v. 54–55).

Еще одним примечательным примером подобного рода может служить Опрамой из маленького города Родианополиса в Ликийи, живший в первой половине II в. н.э., один из богатейших людей Империи, осыпавший своих соотечественников всевозможными благодеяниями, которые перечислены в надписях, покрывавших стены его гробницы и включающих почетные декреты, благодарственные письма от императоров и провинциальных наместников (*TAM II.3*, 905)¹⁴. Подсчитано, что совокупная стоимость его всевозможных акций (денежных раздач, устройства игр и празднеств, украшение города и т. д.) на благо родины (ἰδίᾳ τῇ αὐτοῦ πατρίδι) и других городов провинции

¹³ О Демосфене и об этой надписи см.: [36; 37 (цитируется по этому изданию); 38].

¹⁴ Этому эпиграфическому памятнику посвящено подробное исследование, содержащее также текст, перевод на немецкий язык и комментарий: [39].

составляет более полутора миллионов сестерциев. Опрамой, с блеском исполняя должности и в родном полисе, и в Ликийском союзе, будучи наделенным всевозможными добродетелями и образованностью (*παίδεῖα*), действовал, как сказано в одной из надписей, «из священной преданности своей родине» — *διὰ τὴν πατρίδα σου εὐσεβείαν* (IV A, v. 10).

В связи с приведенными свидетельствами отметим три момента. Во-первых, любовь к родному городу и согражданам занимает важное место в ряду тех идеальных качеств, которые ожидались от благородного и щедрого гражданина; во-вторых, эта любовь может быть сопряжена с известностью и деятельностью в рамках провинции или межполисного объединения, которые наряду с полисом оказываются объектом приложения патриотических чувств; наконец, в-третьих, она неразрывно сочетается с преданностью императору, который покровительствует эвергетизму полисных нотаблей.

Очевидно, гражданский патриотизм эллинов отнюдь не исключал — а в некоторых случаях даже предполагал — сознательное сотрудничество с римской властью. Одним из наиболее ранних свидетельств такого рода является надпись на памятнике в виде трех колонн, воздвигнутым в Мителене на Лесбосе в честь Помпея Великого, Феофана и Потамона. Феофан, историк, сопровождавший римского полководца в его восточных походах и удостоенный за свои заслуги римского гражданства и звания *praefectus fabrum* (Strab. XIII.2.3; Plut. *Pomp.* 76.6–9; Cic. *Pro Arch.* 10.24; Val. Max. VIII.14.3), в надписи на памятнике именуется «любящим отечество, спасителем, эвергетом и вторым основателем отечества» (*φιλοπάτριδι / Θεοφάνη τῷ σώτηρι καὶ εὐεργέτῃ καὶ κτίστῃ δευτέρῳ τᾶς πατρίδος*) (IG XII, 2, 163 = IGR IV, 55; Syll.³ 753).

В эпоху же империи, наряду с прославлением персональных — и вполне традиционных — добродетелей адресата почестей¹⁵, *φιλόπατρις*, как правило, сочетается с характерными титульными наименованиями, указывающими на отношение к императору и Риму [26. P. 76]. Так, в надписи из Перги Деметрий, сын Аполлония Эпикидра, назван *εὐσεβῆς φιλόκαισαρ καὶ φιλόπατρις πανάρετος υἱὸς τῆς πόλεως* — «благочестивый, любящий кесаря и отечество, наделенный всеми доблестями, сын полиса» (IK Perge 56; ср. 60; 63), а адресат почетной надписи из Стратоникеи именуется *φιλόπατρις καὶ φιλοσέβαστος καὶ φιλωρῶμαιος, υἱὸς τῆς πόλεως* (I.Stratonicea 189; ср. 123; 187).

Особый случай в ряду подобных эвергетов, чья лояльность Риму и императорам отмечается соответствующими титулами, представляет уроженец острова Кос Гай Стертиний Ксенофонт, личный врач императора Клавдия, происходивший из старинной семьи. На римской службе он занимал посты военного трибуна и префекта ремесленников, был награжден воинскими знаками отличия во время британского триумфа императора (Syll.³

¹⁵ Ср., к примеру: *ἄνθρωπος ἀγαθὸς καὶ πάση κεκοσμημένος ἀρετῇ καὶ φιλόδοξος* (I.Keramos 14); *ἄνθρωπος ἀγαθὸν καὶ φιλόπατρον πάση κεκοσμημένον ἀρετῇ καὶ πίστει* (I.Tral. 8).

804; *I.Cos.* EV 219; ср.: Suet. *Claud.* 25.1; Plin. *NH.* XXIX.5.8). Косские надписи показывают его интеграцию в местное общество и гражданскую деятельность после того, как при Нероне он вернулся на родину¹⁶. В одной из них Ксенофонт, выступающий в роли пожизненного жреца императоров, богов-целителей и прочих божеств, фигурирует как *εὐεργέτας τᾶς πατρίδος καὶ ἱερεὺς διὰ βίου* («благодетель отечества и пожизненный жрец»), а в другой, посвященной Асклепию, Кесарю Августу, Гигие и Гепионе — как *φιλορώμαιος* [[*φιλονέρων*]] *φιλόκαισαρ φιλοσέβαστος φιλόπατρις δάμου υἱὸς εὐσεβῆς εὐεργέτας τᾶς πατρίδος ἦρω*, т.е. дословно «любящий Рим, любящий Нерона¹⁷, любящий Цезаря, любящий Августа, любящий отечество, сын демоса, благочестивый благодетель отечества, герой» [40. Р. 93–94, с ссылкой на издание надписей и подробным анализом]. В других надписях он именуется также *φιλοκλαύδιος* (*I.Cos.* EV 219; 249). Подобное наименование, возможно, отсылает к чувству преданности персонально к данному правителю, наряду с лояльностью императорской власти как таковой [40. Р. 103]. Такого рода почетные титулы, по всей видимости, даровались городскими властями тем согражданам, которые имели особые связи с императорами [40. Р. 105–106, с разбором других вариантов сочетания форманта *φιλ-* с императорскими именами].

Надписи с эпитетами, указывающими на любовь к императору, почти столь же многочисленны, как и те, что отмечают любовь к отечеству; и все эти термины показывают, что патриотизм был скорее вопросом чувств (*philia*), нежели сферой гражданского долга или религиозных обязательств, и сами политические отношения предстают как продукт этой «любви» [28. Р. 360]. Следует поэтому согласиться с Ф. Гаско в том, что такой «патриотизм» не только генерировал акты эвергетизма, но и в значительной части сами эти акты, благодаря своему специфическому символическому и материальному содержанию, порождали патриотизм [41. Р. 179]. Добавим также, что этот греческий патриотизм (во всяком случае, в его публичном дискурсе, представленном в эпиграфических памятниках, как, впрочем, в тех архитектурных и скульптурных монументах, которые становились его визуальным выражением [42]), приобретал двусмысленный и парадоксальный, на первый взгляд, характер: быть патриотом своего родного города значило в то же время демонстрировать и преданность императорской власти и Риму, как, впрочем, и наоборот — демонстрация такой преданности отнюдь не противоречила любви к родине.

Примечательно, что именно «отечество» (*πάτρις*) чаще, чем «полис» или «демос», обозначается как адресат благодеяний и приложения добродетелей

¹⁶ Подробный анализ этого эпиграфического досье, карьеры и семейных связей Ксенофонта см.: [40. Р. 66 ff.].

¹⁷ В надписи имя этого императора стерто, т.к. он был подвергнут «проклятию памяти».

эвергета, не только его филотимии, но в первую очередь его филопатрии, как, скажем, в надписи Т. Флавия Домициана Нестора, который характеризуется как человек «часто достопавно исполнявший должность агораномы на благо отечества... украсивший отечество и служивший попечителем работ и [муж], любящий отечество» ([ἀ]γορανομή[σ]αντα πολλακίς τῇ πατρίδι ἐνδόξως... κοσμήσαντα τὴν πατρίδα καὶ ἐργελιστάτην καὶ φιλόπολιν) (*IK Prusias ad Hypium* 46). В Эфесе почтили ритора Аврелия Афинейя, архиерея Азии и неокора Августа, «за его добродетель и [проявленные] благоразумие и усердие в заступничестве за наше отечество: Αὐρ(ήλιον) Ἀθήναιον ἀρχιερέα Ἀσίας καὶ νεωκόρον τοῦ Σεβαστοῦ τὸν ῥήτορα, ἀρετῆς ἕνεκα καὶ τῆς περὶ τὰς συνηγορίας τῆς πατρίδος ἡμῶν εὐνοίας τε καὶ προθυμίας (*I.Ephes.* 3057). Полезность родине или полису (χρήσιμος τῇ πατρίδι / πόλει) также нередко указывается в числе причин оказания чести эвергетам (например: *ΜΑΜΑ VIII*, 520; *I.Mylasa* 142; *I.Selge* 20a).

Любопытно, что «отчизнолюбие» сочеталось не только с собственно гражданскими и «общечеловеческими» добродетелями, но и сугубо женскими. Так, жена Г. Лициния Флавия Ясона, высокопоставленного нотабля из ликийского Ксанфа, в почетном декрете совета и народа названа φιλόπατριν, φίλανδρον, φιλότεκνον καὶ πάσῃ κατὰ γυναικας ἀρετῇ κεκοσμημένην — «любящая родину, мужа, детей и украшенная всеми женскими добродетелями» (*F.Xanph.* VII, 70). В Тиатире от имени отечества (πάτρις) Аврелии Гермонассе, жрице городской Тюхэ, была поставлена статуя с надписью, в которой она названа «мудрой, любящей мужа и отечество» — τὴν σόφρονα καὶ φίλανδρον καὶ φιλόπατριν (*TAM V.2*, 957). Аврелия Ксенониана Майдата, будучи, как и ее муж, *philopatris*, удостоилась многочисленных почестей «за любовь к мужу, благоразумие и чадолубие» (ἐπί τε φιλ[αν]δρία καὶ σοφροσύνη καὶ φιλοτεκ[νί]α) (*I.Selge* 15). В неопубликованной фрагментированной надписи с Коса сообщается о награждении по постановлению народа некой женщины-благотворительницы, которая именуется «благочестивой, героиней, любящей отечество» (εὐσεβῆ ἡρώϊδα φιλόπατριν). По мнению К. Бураселиса, эти наименования являются почетными титулами, которые были официально пожалованы народным голосованием, подобно тому как могли предоставляться титулы, указывающие на любовь к императорам [40. P. 106].

Так или иначе, чтобы обеспечить процветание отечества и собственную власть, городской верхушке приходилось вести себя с оглядкой на римские власти, от которых теперь напрямую зависел и статус данного полиса в иерархии городов Империи, и объем его привилегий. В такой системе отношений политическая лояльность Риму (выражавшаяся, помимо прочего, и в приобретении римского гражданства) и персонально правящим принцепсам (проявляемая в императорском культе) не только не противоречила полисному патриотизму, но, напротив, была необходимым условием его реализации в рамках тех возможностей, которые существовали в Римской империи. Отнюдь не слу-

чайно в дискурсе почетных надписей оказываются сопряженными понятия, описывающие патриотические качества и преданность Риму и императорам: быть *φιλόπατρις* и *φιλόπολις* значило быть *φιλοσέβαστος* καὶ *φιλόρομαλος*.

Amantissimi patriae

Прежде чем непосредственно обратиться к свидетельствам латинской эпиграфики, следует отметить несколько важных моментов. Во-первых, выражение *amor patriae* встречается не во всех западных провинциях. В основном это Италия и Северная Африка (проконсульская провинция прежде всего, хотя в Нумидии примеров нет [20. P. 341]), тогда как в Нарбонской Галлии или в испанских провинциях оно не использовалось, хотя понятие *patria* иногда фигурирует в здешних надписях. Характерно, что город Рим в качестве «родины» никогда не называется. Все это означает, что в западной части империи соответствующая риторика не была столь распространенной, как в греческих регионах. Тем не менее, сохранившиеся тексты латинских надписей обнаруживают немало прямых параллелей с греческими. Кроме того, возможно, понятие *patria* выступало на Западе как обожествленная абстракция, имевшая собственный культ. Во всяком случае, в надписи из Формий в Лации, относящейся ко временам Северов, упоминается Кассия Корнелия Приска, *clarissima femina*, жена консула 199 г. н.э. Ауфидия Фронтон, патрона этой колонии, «жрица Августы (вероятно, Юлии Домны) и Родины» — *sacerdos Augustae et patriae* (AE 1971, 79). Известна также эпитафия из проконсульской Африки, принадлежащая жрецу Гения Родины (*Genius Patriae*), прожившему 103 года, из которых 53 он занимал этот жреческий пост (ILAlg. 1, 540).

Нельзя далее не отметить, что латинские лексика и формулы, выражающие отношение к родине, согражданам-соотечественникам и родной *civitas*, не менее выразительны, чем греческие, и употребляются они в разнообразных контекстах, которые обнаруживают немаловажные нюансы той гражданской идеологии городской знати на Западе империи. Примеры соответствующего словоупотребления, суммированные П. Ле Ру, показывают эмоциональную выразительность используемых сочетаний [18. P. 145–146, со ссылками на источники]. Ключевое место среди них занимает, как и в греческих текстах, понятие *amor* (эквивалент греч. *philia*) и его производные, включая прежде всего широкоупотребительное словосочетание *amator patriae*, прямо соответствующее греческому *φιλόπατρις*. Эта «любовь», как и ее нередкий эквивалент «привязанность» (*adfectio*)¹⁸, относится не только к родине, но к общине, согражданам (*amator patriae ac ciuium suorum, in patriam et municipes suos amor*;

¹⁸ Еще одним синонимичным понятием служит *benevolentia* — «благорасположение», которое проявляется по отношению к согражданам и отечеству (AE 1945, 81=CIL XI, 6337=ILS 1422).

amor in ciues et in patriam bonitatas, erga rem publicam amor, in rem publicam et ciues amor; in amorem ciuitatis suae, ob singularem in rem publicam amorem, erga amorem patriae et civium), подобно тому, что в греческих надписях обозначается понятиями φιλόπολις, φιλοπολίτης и φιλόδημος.

При этом и *amor*, и *adfectio* характеризуются выразительными эпитетами: «исключительная» (*ob eximium amorem in patriam, ob eximium amorem circa patriam*), «выдающаяся» (*ob insignem amorem in patriam*), «несравненная» (*singularis in ciues et patriam amor; incomparabilis in uniuersos ciues atfectio*), «щедрая» (*largus*), «неизменная, естественная» (*simplex*), «великая» (*ob tanto amore (sic) quam erga patriam nostram*), «многократно проявленная и испытанная» (*multiplex et probata in patriam et ciues adfectio*). Характерно, что и сама родина называется «любимейшей», как, например, в завещании императорского отпущенника Публия Элия Онесима, который выделил из своего имущества 200 тысяч сестерциев *civitati Nacolensium patriae meae amantissimae* — «городу Николее, моей любимейшей родине», отметив, что должен ей больше (*CIL III, 6998=ILS 7196*; время Адриана, провинция Азия). Этот эпитет, хотя и редкий, служит прямой параллелью греческому γλυκυτότη.

Так же, как и в греческих надписях, сами городские патриоты (благодетели и/или патроны/патронессы) выступают носителями всевозможных добродетелей, проявляемых по отношению к отечеству. Так, Г. Теттий Африкан, дослужившийся в конце I в. н.э. до префекта Египта, в посвященной ему надписи из г. Азизия именуется *piissimus munificentissimus erga patriam* — «благочестивейший и наидостойнейше исполняющий свои обязанности перед родиной» (*CIL XI, 5382*). Высокопоставленный императорский отпущенник Аврелий Александр, занимавший должность чиновника императорского суда (*praepositus sacrarum cognitionum*), назван в надписи *vir optimus et innocentissimus erga patriam honorificentissimus* — «муж наилучший, наичестнейший по отношению к отечеству и почтительнейший» (*AE 1935, 20*). Другому эвергету, чье имя не сохранилось, воздается почет как *patrono abstinentissimo civi praestantissimo, amatori civium simplicissimo* — «патрону бескорыстнейшему, гражданину превосходнейшему, неизменно любящему сограждан» (*CIL IX, 2243*). Примечательно, что и само чувство любви к отечеству может характеризоваться в превосходной степени: в ряде почетных надписей их адресат именуется *amantissimus patriae* — «более всего любящий отчество / преданнейший отечеству», как, скажем, надписи из Аримина II в. н.э. (*CIL XI, 386=ILS 6659*) или в декрете в честь Авла Цезилия Акастина из Аквилеи, примипила, кваттуорвира по судебным делам, квинквеннала, который назван *rei p(ublicae) suae amantissimus* и также *optimus et rarissimus civis* — «преданнейший своей общине, наилучший и редчайший гражданин» (*CIL V, 903*).

Щедрый благотворитель, в свою очередь, мог стать «любимейшим согражданином», подобно всаднику Вератию Севериану, куратору общины тегиянцев, кооптированному в совет декурионов, которого как *civis amantissimus* почтили статуей за устройство роскошных гладиаторских игр. Как подчеркивается в надписи, он, хотя был наделен привилегией жрецов Ценины и мог бы легко быть избавлен от исполнения почетных должностей и повинностей, похвально исполнил должность эдила, «ставя выше этого любовь к родине» (*praeposito amore patriae*) (*CIL X*, 3704=*ILS* 5054). Аналогичным образом почестей был удостоен патрон Амитерна, чье имя не сохранилось, за то, что блестяще организованными играми оказал честь своей родине и самих сограждан неизменно поддерживал на всех должностях искренним чувством любви (*patriam suam ho[noravit] ipsosque cives sincera amoris adfect[ione] officis om[ni]bus fovere non desinat*) (*CIL IX*, 4208). Патрон Анагнии Тиб. Клавдий Кресцентинан, поскольку щедро и ревностно исполнял должности (*quod is in honoribus enixe adque inpenssime (sic!) in omnibus patriae suae largiter functus sit*), был удостоен статуи «за свою безмерную привязанность к согражданам и отечеству» (*ob nimiam eius erga municipes patriamque adfectionem*); причем сам он назван «любимейшим, деятельнейшим и достойнейшим патроном» (*amantissimo sui ac praestantissimo... dignissimo patrono*) (*CIL X*, 5919=*ILS* 6263).

Надо сказать, что знатные граждане и покровители общин проявляли себя не только в мирное время как щедрые благотворители, но и в случае военной опасности готовы были взять на себя бремя ответственности. Об этом свидетельствует надпись на надгробном памятнике из Мавретании Цезарейской, датируемая 25 марта 260 г. н.э. Она была сделана советом колонии Авзия Кв. Гаргилию Марциалу¹⁹, командовавшему военными частями и являвшемуся патроном провинции, за необыкновенную любовь к согражданам и исключительную привязанность к родине и за то, что благодаря его доблести и бдительности был схвачен и уничтожен предводитель мятежных мавров (*ob insignem in ciues amorem et singularem erga patriam adfectionem et quod eius uirtute et uigilantia Faraxen rebellis cum satellitibus suis fuerit captus et interfectus*) (*CIL VIII*, 9047=*ILS* 2767=*AE* 1987, 1059).

Пожалуй, наиболее полный и выразительный комплекс «гражданско-патриотических» характеристик представлен в пространной (более 35 строк) надписи, датируемой правлением Антонина Пия. Она выполнена на базе статуи из Тергеста (совр. Триест), установленной в честь Л. Фабия Севера, который был городским квестором (*quaestor urbanus*) (*CIL V*, 532=*ILS* 6680). Он, как говорится в тексте цитируемого в надписи

¹⁹ Он, возможно, тождественен с автором жизнеописания Александра Севера и сочинений по сельскому хозяйству и медицине (*SHA. Alex. Sev.* 37.9; *Prob.* 2.7; *Serv. Ad Georg.* 4.147; *Cassiod. Inst.* 1.28.5).

декрета, с юности действовал так, чтобы быть полезным своей родине и достоинством и красноречием (ее) возвеличить (*qui a pri[m]a sua statim aetate id ege[r]it, uti in ad[iuva]nda patria sua et dignitate et el[o]quentia cres[ce]ret*); он так служил, действовал и достигал успеха без какого бы то ни было обременения городской казны, что, несмотря на еще совсем юный возраст, зрелыми и превосходными трудами и делами свое отечество и всех сограждан расположил к себе (*[a]dservisse egisse vicisse sine ullo quidem aerari nos[t]ri inpendio, ut quamvis admodum adulescens senilibus tamen et perfectis operibus ac factis patriam suam nosque insupe[r] sibi universos obstrinxerit*). В нем была такая удивительная доблесть славнейшего мужа, что в ежедневных благодеяниях и служении своему отечеству он превзошел самого себя (*nam in hoc quoque mirabilem esse c[larissimi] v[iri] virtutem, quod cotidie in bene faciendo et in patria sua tuenda ipse se vincat*). При этом он окружил свою общину таким благочестием и привязанностью и так заботился о ее пользе, проявляя всемерное превосходство, что стало очевидным, что он хотел, чтобы не только своим, но и соседним общинам было ясно, что рожден не только на благо своего отечества и страстно стремится к гражданским занятиям... и сенаторскому достоинству прежде всего для того, чтоб сохранить свое отечество и украшенным, и от всяческих несправедливостей огражденным и защищенным (*tanta pietate tanta[que] adfectione rem p[ublicam] n[ost]ram amplexus sit itaque pro minimis ma[x]imisque commodis eius excubet adque omnem praestantiam [s]uam exerat, ut manifestum sit id eum agere, ut non modo nobis, sed proximis quoque civitatibus declaratum velit esse se non aliquam [pa]triae suae natum et civilia studia... ac senatoriam dig[ni]tatem hac maxime ex causa concupivisse, uti patriam suam cum ornatum ab omnib[us] iniuriis tutam defensamque praestaret*).

В этих риторически пышных пассажах, как можно видеть, явный приоритет отдается такому качеству молодого гражданина, как образованность (*eloquentia* и *civilia studia*), которая есть отличительная черта человека благородного (ср. выше с *paideia* Опрамая из Ликии и с качествами Демосфена из Эноады), стремящегося и родному городу всемерно послужить, и вступить на путь сенаторской карьеры, т.е. сочетать и любовь к малой родине, и служение Риму как державе в целом. Последний момент явственно звучит в конце этой инскрипции, где воздается хвала отцу героя за то, что он «родил и воспитал такого гражданина для нас и империи» (*talem et nobis et imperio civem p[ro]creavit adque formavit*).

Заключение

Было бы, конечно, опрометчиво рассматривать подобного рода лаудативные тексты как указание на умонастроения всей городской элиты западной части империи, включавшей Италию и довольно разнородные

провинции. Тем не менее нельзя не обратить внимания на его лейтмотив: гражданские добродетели, включая деятельную любовь к отечеству и согражданам по малой родине, вписываются в общеимперский контекст. В надписи из Тергеста он указан прямо, тогда как в некоторых других рассмотренных выше латиноязычных текстах он скорее подразумевается в указаниях на должностную карьеру, которую сделали адресаты почестей на императорской службе. Этот же имперский контекст присутствует и в греческих надписях, в которых он особо подчеркивается титульными наименованиями, указывающими на «любовь» к императорам и Риму (φιλόκαισαρ, φιλοσέβαστος, φιλωρῳμαίος). В западных провинциях и Италии (которые, как известно, отличались от восточных более умеренными формами императорского культа) в таких прямых указаниях, очевидно, не было особой нужды. Думается, есть все основания полагать, что там, в городских общинах, состоявшихся из римских граждан, сохранялось чувство причастности двум родинам, как их определил Цицерон: Риму как *communis patria / patria civitatis (iuris)* и отечеству по природе и местности (*patria naturae / loci patria*). В прочих же аспектах сравнение дискурса греческих и латинских надписей обнаруживает прямые параллели и совпадения в базовых ценностных установках, обусловленных сохраняющимся гражданско-общинным (полисным) характером городов Римской империи.

Библиографический список

1. Махлаюк А.В. Институт гражданства в Римской империи: обзор современной историографии // Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузищина / отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Гвоздева. СПб.: Алетея, 2021. С. 626–657.
2. Cecchet L. Introduction. Greek and Roman Citizenship: State of Research and Open Questions // *Citizens in the Graeco-Roman World. Aspects of Citizenship from the Archaic Period to AD 212* / ed. L. Cecchet, A. Busetto. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 1–30.
3. Atkins J.D. Citizenship and Civic Virtue // *Roman Political Thought* / ed. J.D. Atkins. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 63–90.
4. Moatti Cl. *Occidere pro patria*: quelques réflexions sur le patriotisme // *Anabasis*. 2010. Vol. 12. P. 137–147.
5. Speidel M.A. *Pro patria mori*... La doctrine du patriotisme romain dans l'armée impériale // *Cahiers Glotz*. 2010. Vol. 21. P. 139–154.
6. Ando C. Local Citizenship and Civic Participation in the Western Provinces of the Roman Empire // *Civic Identity and Civic Participation in Late Antiquity and the Early Middle Ages* / ed. C. Brélaz, E. Rose. Turnhout: Brepolos, 2021. P. 39–63.
7. Brélaz C. Democracy, Citizenship(s), and 'Patriotism': Civic Practices and Discourses in the Greek Cities under Roman Rule // *Civic Identity and Civic Participation in Late Antiquity and the Early Middle Ages* / ed. C. Brélaz, E. Rose. Turnhout: Brepolos, 2021. P. 65–90.
8. Veyne P. Panem et circenses: l'évergétisme devant les sciences humaines // *Annales E.S.C.* 1969. Vol. 14. P. 785–825.
9. Veyne P. Le pain et le cirque: Sociologie historique d'un pluralisme politique. Paris: Seuil, 1976.

10. Van Nijf O. Civic Mirrors: Honorific Inscriptions and the Politics of Prestige // Social Status and Prestige in the Graeco-Roman World / ed. A. Kuhn. Stuttgart: Steiner Verlag, 2015. P. 233–246.
11. Wörrle M. Vom tugendsamen Jungling zum ‘gestresten’ Euergeten. Überlegungen zum Bürgerbild hellenistischer Ehrendekrete // Stadtbild und Bürgerbild im Hellenismus. Kolloquium, München 24–26 Juni 1993 / Hrsg. M. Wörrle, P. Zanker. München: C.H. Beck 1995. S. 241–250.
12. Махлаюк А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №1 (1). С. 288–299.
13. Махлаюк А.В. Греческий патриотизм в контексте рах Романа: полисные традиции и имперские реалии // Мнемон. 2018. Вып. 18.2. С. 116–141.
14. Махлаюк А.В. Вторая софистика, историческая память и греческий патриотизм в эпоху Римской империи // Homo omnium horagum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова / под ред. А.В. Белоусова и Е.В. Илюшечкиной. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2020. С. 370–401.
15. Crowley J. Greek Patriotism // Handbook of Patriotism / ed. Mitja Sardoč. Cham: Springer, 2020. P. 29–46.
16. Giardina A. *Amor Civicus. Formule e immagini dell’evergetismo Romano nella tradizione epigrafica* // La terza età dell’ epigrafia. Colloquio AIEGL-Borghesi 86, Bologna ottobre 1986 / Ed. A. Donati. Faenza: Fratelli Lega, 1988. P. 67–85.
17. Gascó F. *Euergetes philopatris* // Modelos ideales y practicas de vida en la antigüedad clasica / ed. E. Falque, F. Gascó. Sevilla: Universidad Internacional Menéndez Pelayo, 1993. P. 181–195.
18. Le Roux P. *L’ amor patriae dans les cites sous l’ empire romain* // Idéologies et valeurs civiques dans le monde romain: hommage à Claude Lepelley [actes d’ un colloque tenu à Paris les 25 et 26 septembre 2001] / ed. H. Inglebert. Paris: Picard, 2002. P. 143–161.
19. Forbis E. *Municipal Virtues in the Roman Empire: The Evidence of Italian Honorary Inscriptions*. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1996 (переиздано в издательстве De Gruyter, 2012).
20. Montagne G. *Amator civitatis: les notables municipaux en Numidie romaine (IIème — IVème siècle)*. Mémoire de master 2. l’ Université de Pau et des Pays de l’ Adour avec mention TB, 2013.
21. Eckhard S. *Honoratioren, Griechen, Polisbürger: Kollektive Identitäten innerhalb der Oberschicht des kaiserzeitlichen Kleinasien*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002.
22. Canali De Rossi F. *Filius publicus, υἱὸς τῆς πόλεως e titoli affini in iscrizioni greche di età impériale*. Roma, 2007.
23. *The Politics of Honour in the Greek Cities of the Roman Empire* / ed. A. Heller, O. Van Nijf. Leiden; Boston: Brill, 2017.
24. Siekierka P., Stebnicka K., Wolicki A. *Women and the Polis: Public Honorific Inscriptions for Women in the Greek Cities from the Late Classical to the Roman Period*. Vol. 1. Berlin; Boston: Brill, 2021.
25. Heller A. *L’ âge d’ or des bienfaiteurs. Titres honorifiques et sociétés civiques dans l’ Asie Mineure d’ époque romaine (Ier s. av. J.-C. — IIIe s. apr. J.-C.)*. Genève: Droz, 2020.
26. Veligianni Chr. *Philos und philos-Komposita in den griechischen Inschriften der Kaiserzeit* // Aspects of Friendship in the Graeco-Roman World (Proceedings of a conference held at the Seminar für Alte Geschichte, Heidelberg, on 10–11 June, 2000) / ed. M. Peachin. Portsmouth: Journal of Roman Archaeology L.L.C., 2001. S. 63–80.
27. Giannakopoulos N. *Remarks on the Honorary Titles υἱὸς βουλῆς, υἱὸς δήμου and υἱὸς πόλεως in Roman Asia Minor* // Pathways to Power: Civic Elites in the Eastern Part of the Roman Empire. Proceedings of the International Workshop held at Athens Scuola Archeologica

- Italiana di Atene in December 2005 / ed. A.D. Rizakis, F. Camia. Atene: Scuola archeologica italiana di Atene, 2008. P. 251–268.
28. *Van Nijf O.* Affective Politics: The Emotional Regime in the Imperial Greek City // *Unveiling emotions II: Emotions in Greece and Rome. Texts, Images, Material Culture* / ed. A. Chaniotis, P. Ducrey. Stuttgart: Steiner Verlag, 2013. P. 351–368.
 29. *Pleket H.W.* Political Culture and Political Practice in the Cities of Asia Minor in the Roman Empire // *Politische Theorie und Praxis im Altertum* / Hrsg. W. Schuller. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. P. 204–216.
 30. *Corbier M.* Usages publics du vocabulaire de la parenté // *L’Africa Romana. Atti del VII Convegno di Studio (Sassari, 15–17 dicembre 1989)* / ed. A. Mastino. Sassari, 1990. P. 817–854.
 31. *Fernoux H.-L.* Le demos et la cité: communautés et assemblées populaires en Asie mineure à l’époque imperial. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2011.
 32. *Robert L.* Hellenica. Vol. XIII. D’Aphrodisias à la Lyca. Recueil d’épigraphie, de numismatique et d’antiquités. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1965.
 33. *Oppeneer T.* Assembly Politics and the Rhetoric of Honour in Chariton, Dio of Prusa and John Chrysostom // *Historia*. 2018. Bd. 67. Hft. 2. P. 223–243.
 34. *Kuhn C.T.* Emotionality in the Political Culture of the Graeco-Roman East: The Role of Acclamations // *Unveiling Emotions: Sources and Methods for the Study of Emotions in the Greek World* / ed. A. Chaniotis. Stuttgart: Franz Steiner, 2012. P. 295–316.
 35. *Kruse T.* The Magistrate and the Ocean: Acclamations and Ritualised Communication in Town Gatherings in Roman Egypt // *Rituals and Communication in the Graeco-Roman World* / ed. E. Stavrianopoulou. Liège: Centre International d’Étude de la Religion Grecque Antique, 2006. P. 297–315.
 36. *Mitchell S.* Festivals, games, and civic life in Roman Asia Minor // *Journal of Roman Studies*. 1990. Vol. 80. P. 183–193.
 37. *Wörle M.* Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien: Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda. München: C.H. Beck, 1988.
 38. *Rogers G.M.* Demosthenes of Oenoanda and models of euergetism // *Journal of Roman Studies*. 1991. Vol. 81. P. 91–100.
 39. *Kokkinia C.* Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien. Bonn: Habelt, 2000.
 40. *Buraselis K.* Kos between Hellenism and Rome. Studies on the Political, Institutional and Social History of Kos from ca. the Middle Second Century B.C. Until Late Antiquity. Philadelphia: American Philosophical Society, 2000.
 41. *Gascó F.* Evergetismo y conciencia cívica en la parte oriental del imperio // *Habis*. 1995. Vol. 26. P. 177–186.
 42. *van Nijf O.M.* Public space and the political culture of Roman Termessos // *Political culture in Greek city after the Classical age* / ed. O.M. van Nijf and R. Alston with assistance of C.G. Williamson. Leuven; Paris; Walpole, MA, 2011. P. 215–242.

References

1. Makhlaiuk AV. Institut grazhdanstva v Rimskoj imperii: obzor sovremennoj istoriografii [Institute of citizenship in the Roman Empire: a review of modern historiography]. In: *Economics, law, power in the ancient world. Dedicated to the memory of V.I. Kuzishchin*. Saprykin SYu, Gvozdeva IA, editors. St. Petersburg, 2021, p. 626–657. (In Russ.).
2. Cecchet L. Introduction. Greek and Roman Citizenship: State of Research and Open Questions. In: *Citizens in the Graeco-Roman World. Aspects of Citizenship from the Archaic Period to AD 212*. L. Cecchet, A. Busetto (eds.). Leiden; Boston, 2017, p. 1–30.
3. Atkins JD. Citizenship and Civic Virtue. In: *Roman Political Thought*. J.D. Atkins 9ed.). Cambridge, 2018, p. 63–90.

4. Moatti Cl. *Occidere pro patria*: quelques réflexions sur le patriotism. *Anabasis*. 2010;(12):137–147.
5. Speidel MA. *Pro patria mori...* La doctrine du patriotisme romain dans l'armée impériale. *Cahiers Glotz*. 2010;(21):139–154.
6. Ando C. Local Citizenship and Civic Participation in the Western Provinces of the Roman Empire. In: *Civic Identity and Civic Participation in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. C. Brélaz, E. Rose (eds.). Turnhout, 2021, p. 39–63.
7. Brélaz C. Democracy, Citizenship(s), and 'Patriotism': Civic Practices and Discourses in the Greek Cities under Roman Rule. In: *Civic Identity and Civic Participation in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. C. Brélaz, E. Rose (eds.). Turnhout, 2021, p. 65–90.
8. Veyne P. Panem et circenses: l'évergétisme devant les sciences humaines. *Annales E.S.C.* 1969;(14): 785–825.
9. Veyne P. *Le pain et le cirque: Sociologie historique d'un pluralisme politique*. Paris, 1976.
10. Van Nijf O. Civic Mirrors: Honorific Inscriptions and the Politics of Prestige. In: *Social Status and Prestige in the Graeco-Roman World*. A. Kuhn 9ed. Stuttgart, 2015, p. 233–246.
11. Wörrle M. Vom tugendsamen Jungling zum 'gestresten' Euergeten. Überlegungen zum Bürgerbild hellenistischer Ehrendekrete. In: *Stadt und Bürger im Hellenismus. Kolloquium, München 24.–26. Juni 1993*. M. Wörrle, P. Zanker (Hrsg.). München, 1995, p. 241–250.
12. Makhlaiuk AV. Rimskij patriotizm i kul'turnaya identichnost' v epohu Imperii [Roman patriotism and cultural identity under the Empire]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2014;1(1):288–299. (In Russ.).
13. Makhlaiuk AV. Grecheskij patriotizm v kontekste pax Romana: polisnye tradicii i imperskie realii [Greek patriotism in the context of *pax Romana*: polis tradituions and imperial realities]. *Mnemon*. 2018;18(2): 116–141. (In Russ.).
14. Makhlaiuk AV. Vtoraya sofistika, istoricheskaya pamyat' i grecheskij patriotizm v epohu Rimskoj imperii [Second sophistic, historical memory and Greek patriotism under the Roman empire]. In: *Homo omnium horarum: sbornik statej v chest' 70-letiya A.V. Podosinova*. Belousov AV, Ilyushechkina EV, editors. M., 2020, p. 370–401. (In Russ.).
15. Crowley J. Greek Patriotism. In: *Handbook of Patriotism*. Mitja Sardoč (ed.). Cham, 2020, p. 29–46.
16. Giardina A. *Amor Civicus. Formule e immagini dell'evergetismo Romano nella tradizione epigrafica*. In: *La terza età dell'epigrafia*. Colloquio AIEGL-Borghesi 86, Bologna ottobre 1986. A. Donati (ed.). Faenza, 1988, p. 67–85.
17. Gascó F. *Euergetes philopatris*. In: *Modelos ideales y practicas de vida en la antigüedad clasica*. E. Falque, F. Gascó (eds.). Sevilla, 1993, p. 181–195.
18. Le Roux P. *L'amor patriae dans les cites sous l'empire romain*. In: *Idéologies et valeurs civiques dans le monde romain: hommage à Claude Lepelley [actes d'un colloque tenu à Paris les 25 et 26 septembre 2001]*. H. Inglebert (ed.). Paris, 2002, p. 143–161.
19. Forbis E. *Municipal Virtues in the Roman Empire: The Evidence of Italian Honorary Inscriptions*. Stuttgart; Leipzig, 1996 (reprinted De Gruyter, 2012).
20. Montagne G. *Amator civitatis: les notables municipaux en Numidie romaine (IIème — IVème siècle)*. Mémoire de master 2. l'Université de Pau et des Pays de l'Adour avec mention TB, 2013.
21. Eckhard S. *Honoratioren, Griechen, Polisbürger: Kollektive Identitäten innerhalb der Oberschicht des kaiserzeitlichen Kleinasien*. Göttingen, 2002.
22. Canali De Rossi F. *Filius publicus, υἱὸς τῆς πόλεως e titoli affini in iscrizioni greche di età impériale*. Roma, 2007.
23. *The Politics of Honour in the Greek Cities of the Roman Empire*. A. Heller, O. Van Nijf (eds.). Leiden; Boston, 2017.

24. Siekierka P., Stebnicka K., Wolicki A. *Women and the Polis: Public Honorific Inscriptions for Women in the Greek Cities from the Late Classical to the Roman Period*. Vol. 1. Berlin; Boston, 2021.
25. Heller A. *L'âge d'or des bienfaiteurs. Titres honorifiques et sociétés civiques dans l'Asie Mineure d'époque romaine (Ier s. av. J.-C. — IIIe s. apr. J.-C.)*. Genève, 2020.
26. Veligianni Chr. *Philos und philos-Komposita in den griechischen Inschriften der Kaiserzeit*. In: *Aspects of Friendship in the Graeco-Roman World* (Proceedings of a conference held at the Seminar für Alte Geschichte, Heidelberg, on 10–11 June, 2000). M. Peachin (ed.). Portsmouth, 2001, p. 63–80.
27. Giannakopoulos N. Remarks on the Honorary Titles *υἰός βουλῆς*, *υἰός δήμου* and *υἰός πόλεως* in Roman Asia Minor. In: *Pathways to Power: Civic Elites in the Eastern Part of the Roman Empire*. Proceedings of the International Workshop held at Athens Scuola Archeologica Italiana di Atene in December 2005. A.D. Rizakis, F. Camia (eds.). Atene, 2008, p. 251–268.
28. Van Nijf O. Affective Politics: The Emotional Regime in the Imperial Greek City. In: *Unveiling emotions II: Emotions in Greece and Rome. Texts, Images, Material Culture*. A. Chaniotis, P. Ducrey (eds.). Stuttgart, 2013, p. 351–368.
29. Pleket HW. Political Culture and Political Practice in the Cities of Asia Minor in the Roman Empire. In: *Politische Theorie und Praxis im Altertum*. W. Schuller (Hrsg.). Darmstadt, 1998, p. 204–216.
30. Corbier M. Usages publics du vocabulaire de la parenté. In: *L'Africa Romana. Atti del VII Convegno di Studio (Sassari, 15–17 dicembre 1989)*. A. Mastino (ed.). Sassari, 1990, p. 817–854.
31. Fernoux H.-L. *Le demos et la cité: communautés et assemblées populaires en Asie mineure à l'époque imperial*. Rennes, 2011.
32. Robert L. *Hellenica. Vol. XIII. D'Aphrodisias à la Lyca. Recueil d'épigraphie, de numismatique et d'antiquités*. Paris, 1965.
33. Oppeneer T. Assembly Politics and the Rhetoric of Honour in Chariton, Dio of Prusa and John Chrysostom. *Historia*. 2018;67(2):223–243.
34. Kuhn CT. Emotionality in the Political Culture of the Graeco-Roman East: The Role of Acclamations. In: *Unveiling Emotions: Sources and Methods for the Study of Emotions in the Greek World*. A. Chaniotis (ed.). Stuttgart, 2012, p. 295–316.
35. Kruse T. The Magistrate and the Ocean: Acclamations and Ritualised Communication in Town Gatherings in Roman Egypt. In: *Rituals and Communication in the Graeco-Roman World*. E. Stavrianopoulou (ed.). Liège, 2006, p. 297–315.
36. Mitchell S. Festivals, games, and civic life in Roman Asia Minor. *Journal of Roman Studies*. 1990;(80): 183–193.
37. Wörrle M. *Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien: Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda*. München, 1988.
38. Rogers G.M. Demosthenes of Oenoanda and models of euergetism. *Journal of Roman Studies*. 1991;(8)1:91–100.
39. Kokkinia C. *Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien*. Bonn, 2000.
40. Buraselis K. *Kos between Hellenism and Rome. Studies on the Political, Institutional and Social History of Kos from ca. the Middle Second Century B.C. Until Late Antiquity*. Philadelphia, 2000.
41. Gascó F. Evergetismo y conciencia cívica en la parte oriental del imperio. *Habis*. 1995;(26): 177–186.
42. van Nijf O.M. Public space and the political culture of Roman Termessos. In: *Political culture in Greek city after the Classical age*. O.M. van Nijf and R. Alston (eds.). Leuven; Paris; Walpole, MA, 2011, p. 215–242.

Сокращения

- AE — L'Année épigraphique. Paris, 1888–...
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum, consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussicae editum. Berolini, 1863–...
- F.Xanph. —Balland A. Fouilles de Xanthos VII. Inscriptions d'époque impériale du Létôon. Paris, 1981
- ILAlg — Inscriptions latines de l'Algérie / Recueilles par S. Gsell; publ. par H.-G. Pflaum. T. 1. Paris, 1957
- ILS — Dessau H. Inscriptiones Latinae Selectae. Berolini, 1892–1916 (2 ed. 1954–1955)
- I.Cos. EV — Segre M. Iscrizioni di Cos. Vol. I–III. Roma, 1993–2007
- I.Ephes. — Wankel H., R. Merkelbach R. et al. Die Inschriften von Ephesos. Bde I–VII. Bonn, 1979–1984
- I.Iasos — Blümel W. Die Inschriften von Iasos. Bonn, 1985
- I.Magnesia — Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900
- I.Mylasa — Blümel W. Die Inschriften von Mylasa. Bd. I. Inschriften der Stadt; Bd. II. Inschriften aus der Umgebung der Stadt. Bonn, 1987–1988
- I.Selge — Nollé J., Schindler F. Die Inschriften von Selge. Bonn, 1991
- I.Smyrna — Petzl G. Die Inschriften von Smyrna. Bde I–II 1/2. Bonn, 1982–1990
- I.Stratonicea —Şahin M.Ç. Die Inschriften von Stratonikeia. Bde I–II 1/2. Bonn, 1981–2010
- I.Tral. —Poljakov Fj.B. Die Inschriften von Tralleis und Nysa, I. Die Inschriften von Tralleis. Bonn, 1989
- IG — Inscriptiones Graecae. Berlin 1873–...
- IGR — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris, 1906–1927
- IK Perge — Şahin S. Die Inschriften von Perge. Bonn, 2004
- IK Prusa ad Olypium — Corsten Th. Die Inschriften von Prusa ad Olypium. Bde I–II. Bonn, 1991–1993
- IK Prusas ad Hypium — Ameling W. Die Inschriften von Prusias ad Hypium. Bonn, 1985
- IMT Olympene — Inschriften Mysia & Troas / Ed. M. Barth and J. Stauber. Leopold Wenger Institut. Universität München. Version of 25.8.1993 (Ibycus). Packard Humanities Institute CD #7, 1996.
- MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. I–XI. London, 1928–2013
- P. Oxy. — The Oxyrhynchus papyri / Ed. B.P. Grenfell, A.S. Hunt et al. London, 1898–...
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923–...
- Syll.³ — Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. 3^a ed. Leipzig, 1915–1924
- TAM — Tituli Asiae Minoris. Vindobonae, 1901–...

Информация об авторе:

Махлаюк Александр Валентинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail: makhl@imomi.unn.ru. ORCID: 0000-0002-7758-2374

Information about the author:

Makhlaiuk Alexander Valentinovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of the Department of Ancient and Medieval History of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, e-mail: makhl@imomi.unn.ru. ORCID: 0000-0002-7758-2374